

Нина Мамыкина (Вирэм)

Позови его по имени
(Самурай)

Нина Мамыкина (Вирэт)

Позови его по имени (Самурай)

«Автор»

2023

Мамыкина (Вирэт) Н.

Позови его по имени (Самурай) / Н. Мамыкина (Вирэт) —
«Автор», 2023

Блестящая эпоха сёгуната Токугава. Жизнь молодого самурая, приемного сына самого сёгуна, полная успеха и благополучия, в одночасье меняется круто и бесповоротно. Он сделал свой выбор. И впереди его ожидает только смерть. ... И то, что превыше смерти.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нина Мамыкина (Вирэт) Позови его по имени (Самурай)

Часть 1

Историческая справка

1543 год. Первые представители Запада высаживаются на японский берег. Португальцы устанавливают в Нагасаки регулярную торговлю. В 1549 году прибывают миссионеры – иезуиты под предводительством Франсиско де Ясо, который полюбился японцам. Он называет их в своем дневнике «радостью своей души», встречается с императором и изучает японский язык. Самураи и буддийские монахи просят их окрестить. В начале XVII века в Японии насчитывается более миллиона обращенных. Христиане Японии представляют собой значительную часть населения, третью по численности после дзен–буддизма и традиционного язычества – синто.

Однако вскоре правительство сёгуна Токугава начинает опасаться, как бы вслед за христианизацией не началась колонизация страны. Все христиане были приговорены к смерти. В 1587 году великий регент Хидэёси, до сих пор благоволивший к миссионерам, начинает их избиение.

Иезуиты и францисканцы отступают к Макао. Вплоть до середины XVII века продолжалось истребление христиан. Южные острова Японии – оплот христианства – были окрашены кровью, как подмости огромного эшафота. Тысячи обращенных японцев подвергаются жесточайшим пыткам: их жгут каленым железом, отсекают руки и ноги, душат, распинают на крестах. Ни в одной стране христианство не было уничтожено с такой жестокостью и последовательностью, как в Японии. В этом отношении с Японией не могла идти ни в какое сравнение Римская империя времен Диоклетиана или Персия во времена царствования Сапора и Пироса.

В 1639 году замучены последние пятеро священников. Японское христианство более чем на два столетия уходит в подполье. В последние века, вплоть до второй половины XIX столетия, христианство рассматривалось как преступная, антигосударственная секта. За исповедание христианской веры полагалась смертная казнь.

Лишь в 1873 году были отменены старые карательные указы против христиан, лишь в 1889 году новая конституция Японии узаконила свободу вероисповедания.

Но это уже сюжет для совсем иной истории.

Весна в этом году выдалась тёплая и щедрая. Жёлтая, белая, лиловая, розовая пена покрывает лесистые холмы, они дышат под струями ветра волнами, водоворотами, переливами цветов и ароматов.

– Посмотри, Нази, как расцвела твоя сакура!

Она вздрогнула, очнувшись от глубокой задумчивости.

– Я не слышала, как подошли вы, отец... Вы видели чай, который я заварила и оставила на вашем столе?

– Да, благодарю тебя. Что ты играла сейчас на флейте? Мне показалось, что эта мелодия приснилась мне. Последние годы сны о прошлом становятся реальнее яви. Я старею.

– Я никогда в это не поверю! – девушка обернулась и ласково обняла отца. Он погладил её по волосам.

– Нази, – через минуту сказал Ошоби. – Ты улыбаешься, но в глазах твоих печаль. Ты думала о Сёбуро? Ведь это была моя старая песня о нём?

Девушка вздохнула.

– Да. Я выросла под неё. И ею учили вы меня верить в торжество справедливости и добра. И мне иногда тоже хочется состариться и жить снами о прошлом. Потому что где в нынешнее правление Шогана торжество справедливости? И где дух Сёбура в его сыне? Вы же знаете, что говорят о нём... И так не хочется в это верить!

Старый Ошоби промолчал, только крепче прижал к своей груди голову дочери.

– Скоро увидим сами... Итак, Нази, в этом году это будет твой поединок. Ты хорошо справились в прошлый раз. Верю, что не осрамишь меня и теперь.

Она заглянула в его глаза.

– А что скажет Шоган?

– Я уже уведомил его письмом. Возражений не было. Китайцы тоже приняли спокойно. Видишь, ты приобретаешь авторитет.

– Я рада, что ваши труды не пропали даром, – тихо ответила девушка. – И постараюсь принести вам почет, а не позор. Я ведь знаю – долгие годы вы ждали сына. И жалели, что у вас не сын, а дочь.

Старик изумлённо глянул на неё и негодуя приподнял брови... но промолчал.

Она задумчиво улыбалась, ласково и чуть-чуть печально.

– Я запомнила, как мать посетовала вам на то, что вы воспитываете дочь как юношу, а не как девушку. Она говорила, что мне трудно будет найти себе мужа и что всё равно угасает наш род и клан Ошоби – Независимых Свидетелей Поединков, такой знаменитый и почитаемый в былые времена. Она старалась обучать меня и музыке, манерам, рукоделию, но после ваших уроков боевых искусств мне скучным казалось вышивать хризантемами кимоно. Драконов на хоругвах – ещё куда ни шло!

Но... я не жалею. Видно, это моя судьба. Песня о Сёбура звучит во мне с детских лет, как маленький гимн! К тому же в нас, Ошоби, намешана кровь разных народов – Свидетели должны быть наднациональны, чтобы быть достаточно беспристрастными. Родилась я в Китае, но живем мы сейчас на Хонсю. Вы говорили, что нынешний Шоган подарил нам эту землю на радостях в день победы Японии над бойцом династии Кванджу. Самурай императора Сёбура Токемада выиграл тогда свой первый поединок с корейцем Мунчхоном. Сёбура подарил нам нашу новую родину. А через год после этого поединка у Сёбура родился сын. Вы не говорили мне о своих планах, но мама, думаю, знала? И после гибели Сёбура, даже когда Шоган взял мальчика под полный свой контроль... вы не теряли надежды? И отказывали всем, кто засылал сватов к вашей дочери, не взирая на мольбы матери...

– Ты и это знала?! Нази!.. Прости меня! Но ты никогда не показывала, что кто-то может нравиться тебе...

Она отстранилась и, строго глянув в глаза отца, покачала головой.

– Мне всегда нравился только Сёбура. Я ведь ваша дочь по плоти и духу. Но Сёбура мертв. И вы знаете это. Помните?

Она поднесла флейту к губам.

«Хошипу... Назови его по имени! Великие неприятности ждут тебя, если ты позовешь его по имени. Слезы твои сольются с росой, и солнечный луч поглотит их без следа. Хошипу! Позови его по имени! А пока плыви, плыви вниз по реке...»

Гости появились на следующий день почти одновременно. Первым пришел китаец, боец одного из горных монастырей, которого звали Нисан. Едва ли не по его следам проществовал самурай Шогана Матэ Токемада.

Нази с удивлением поглядывала на них. Поединщики выдались как на подбор, – оба молодые парни, высокие и стройные, оба очень красивы – в духе своих народов. И всё же отличались они, как небо и земля.

Китаец был во всем светлом, точно солнечный лучик. Тонкое подвижное лицо его казалось выписанным на светлом шелке кистью изящнейшего живописца, оно всё дышало какой-то древней, утонченной и благородной красотой и в то же время – удивительной умиротворенностью и гармонией. Глаза его сияли ровным внутренним светом, он был естественен – как солнечное утро, всплеск воды, дуновение ветра. Кем был в прошлом этот юноша, теперь было уже не узнать. Монашеское имя Нисан – «Носитель духа» – скрывало и хранило под собою тайны не менее надёжно, чем скромное одеяние его собратьев.

Самурай же был смугл, суров и преисполнен достоинством своей миссии. Его цветами явно были лиловый и чёрный. Короткую походную куртку-монцуки плотно стягивал на талии широкий матерчатый пояс, под левой рукой красовались рукояти двух боевых мечей. Особенностью японца была привычка смотреть немного исподлобья, и тогда особенно тяжёл был взгляд внимательных черных глаз. Верхняя губа его чуть выдавалась над нижней, и это был родовой признак всех воинов из клана Токемад. Самурай больше молчал и отвечал только на непосредственно ему заданные вопросы. По сравнению с «солнечным лучиком» Нисаном он казался утесом над бездной моря, угрюмым и неприступным.

Нази накрыла стол к вечерней трапезе. Все условия поединка были уже подробно обговорены, до него оставалась только грядущая ночь. Девушка подавала мужчинам блюда, хозяин дома расспрашивал гостей о новостях, о дороге, о здоровье императоров и военачальников.

Странная печаль сжимала сердце Нази.

Было ли это предчувствие надвигающейся беды или же дополненный свежими впечатлениями вчерашний горький разговор с отцом, она не знала. Слушая и не слушая застольные разговоры, всё чаще и тоскливее устремляла она взгляд в окно на заходящее солнце, словно ища в нём неведомого утешения.

Когда Нази разлила чай, старый Ошоби сделал ей знак сесть к столу и присоединиться к беседе. Она покорно опустилась на циновку, подняла глаза, – Нисан, сидевший напротив неё, похвалил красоту здешних мест, процитировав танку знаменитого лирика Якуно Кискэ о цветущей сакуре. Нази знала, что отец ждет от неё достойного ответа: главным сокровищем семейства Ошоби была богатая библиотека, в чтении и музицировании находила девушка себе утешение все эти годы после смерти матери.

Нисан улыбчиво смотрел на неё.

То, что произошло затем, заняло считанные секунды. Что-то теплое и очень нежное коснулось её сердца. Печаль испарилась из него мгновенно, без следа. Как круги по воде от падения камня полились от сердца неуловимые светлые волны умиротворения, чистой радости и покоя. Звенящая легкость охватила душу девушки, она невольно расправила плечи, точно сбросив с них мучительный груз. Маленький ребенок, заплаканный от своих горчайших детских переживаний, вдруг услышал голос матери о том, что друзья-ребятишки зовут его порезвиться на сияющий от росы луг... Нази хотелось засмеяться от счастья. Так смеялась она, только когда ребенком бежала в объятия матери. Смерть мамы обрезала этот смех навсегда...

Нисан... Она поняла, что это – Нисан! Столько любви было в сердце этого загадочного парня, что никаких проблем не составило ему щедро поделиться с ближним своей светлой умиротворенностью. Но как он это сделал?! И почему?..

Чтобы немного собраться с мыслями, смущенная Нази встала и подошла к небольшому столику у окна, украшенному прекрасной икебаной из живых цветов, центром которой была цветущая ветка сакуры. Перенеся икебану на обеденный стол, чтобы все могли созерцать её, девушка сказала:

– Цветок сакуры – символ Японии и японского воинства. Якуно Кискэ был не только поэт, но и самурай из благородного древнего клана. Физические недостатки не позволили юноше стать настоящим бойцом, но когда он писал о сакуре, то широко использовал язык красок и символов, присущих японскому национальному духу. Песнь Якуно о сакуре – это песня о воинской доблести и чести. Лиловым цветом отображается цветущая вишня на одежде японского воина.

Нисан повернул голову к Токемаде и слегка поклонился.

– Сакура означает жизнестойкость, постоянное возрождение, процветание и мужество, – добавила Нази.

– Прекрасный символ, – с улыбкой сказал китаец. – И он очень близок японскому национальному духу.

Самурай ответил учтивым поклоном.

– А что является символом китайского бойца? – неожиданно поинтересовался он, оглядывая одеяние Нисана. – Лотос?

– Белый лотос, – кивнул тот. – Но это символ бойца-монаха. Императорские воины считают своим символом цветок персика. Лотос цветёт на границе двух стихий – воды и воздуха. В нашей философии это соответствует смерти и жизни. Каждый миг находится человек на «водоразделе» жизни и смерти, на пороге вечности. Каждый шаг определяет его дальнейшую судьбу в вечности. Каждый шаг очень ответственен. Не потерять чистоту души, не замарать её «одежды», не отнимать безосновательно чужую жизнь, не вершить зло и несправедливость, отстаивать добро и правду – вот достойный путь Белого Лотоса.

Токемада слушал со всё возрастающим изумлением в глазах.

– Это действительно философия... не японского бойца, – наконец ответил он. – Самураю трудно принять её. Назначение воинского сословия – битва до победы. Достояние самурая – честь. Победить или пасть от меча противника – вот достойный путь японского бойца. Победа приносит славу и приумножает честь. Смерть от меча сохраняет честь от позора. Мудрствование на поле боя ведёт к поражению, ослабляет дух и тело. Идеал самурая – великий воин Сауно Хашимото. Он не знал сомнений и сожалений во время битвы, дух его был как ураган, а тело – как клинок. Никто не мог остановить его натиска. Говорили, что он мог пройти сквозь тела противников, как нож сквозь масло. Он принёс великую славу Шоганату и приумножил честь Японии, как никто другой!

Нисан продолжал вежливо улыбаться, но глаза его погрузтели.

– В наших летописях упоминается о тех временах, когда первые китайские переселенцы ступили на японскую землю. И, похоже, в те времена японцы ещё умели думать и действовать одновременно. Теперь же нам действительно трудно понимать друг друга... Китайский боец не считает, что победа любой ценой приумножает его личную честь и честь Китая. Единственную достойную победу он должен одерживать всегда – это победу над самим собой. Вы считаете себя совершенными и предпочитаете видеть противников в тех, кого ставит перед вами случай. Мы же видим их в том, что мешает нам установить гармонию между душой, телом и окружающим миром. Ваш путь – внешний. Наш – внутренний. Мне жаль, что они у нас с вами почти не соприкасаются.

– Гармония духа, тела и окружающих стихий – основная медитация японского бойца, – нахмурившись, возразил Токемада. – Я не понимаю...

– Разные цели. Мы обнажаем оружие, только чтобы защищаться. Китай никогда не ставил своей целью завоевание Японии. Япония только и бредит завоеванием Китая. Разве не так, самурай Шогана?.. Скажи мне, Матэ-сан, ты счастлив? – неожиданно спросил Нисан.

– Я должен отвечать на это? – холодно поинтересовался после паузы японец.

– Нет, конечно, – засмеялся Нисан. – Я просто предложил тебе новую тему для медитации. А суть её в том, что человек счастливый естественно захочет поделиться своей радостью

и с другими. В день радости – рождения ребёнка, свадьбы, новоселья – зовут в дом гостей, чтобы приобщить их к своей радости, а вовсе не для того, чтобы пройтись по их телам тараном. Почтенный самурай Сауно Хашимото был и верно великим бойцом, но я сомневаюсь, испытывал ли он когда-нибудь человеческую радость от того, что живет на свете.

– А у меня в этом нет никаких сомнений, – отстраненно произнес Токемада. Он стал спокоен так, как успокаивается человек, потерявший всякий интерес к теме разговора. – Хашимото жил для славы Японии, Шогана и своего клана, был любим и почитаем ими. Что ещё нужно воину для счастья?

– *«Обзорюжу ли всех своих врагов, – будет ли мне этого мало?»*

Научусь повелевать звездам, – будет ли мне этого мало?»

Обойдет ли слава обо мне весь мир, – будет ли мне этого мало?»

Богат ли буду и любим, – будет ли мне этого мало?»

*Да, – если я перестану радоваться первому весеннему цветку,
жалок буду я, и нищ, и убог...»*

– внезапно, медленно и не поднимая глаз, процитировала Нази древнекитайского философа Фай Линь Сыма.

– Кстати, там следующая строка... – светло и улыбочиво посмотрел на неё Нисан и продолжил по-китайски, а потом повернулся к Токемаде. – Это означает: «Мне жаль того, кто не сможет понять этого». Я присоединяюсь к этому мнению, но думаю, что пора заканчивать дискуссию, потому что другой китайский мудрец говорил: «Если ты что имеешь – поделись с врагом и станешь богаче на друга, но не делись с равнодушным, чтобы зависть не ослепила его, и ты не потерял бы не только имущество, но и жизнь».

– Да, я заметил, что ваши мудрецы умеют много и красиво говорить, – бросил самурай, – полагаю, что и в подлиннике поцветастее, чем ты привел. – Он с усмешкой поклонился и презрительно дернул щекой, – но оставим это и на их, и на твоей совести. По крайней мере – до завтра.

– Прозрачный намек, – засмеялся китаец. – Полагаю, что я окончательно разочаровал уважаемого японского бойца. Вот если бы я начал вместо стихотворных цитат метать ножи в притолоку... Но оставим это действительно до завтра.

– Скажи мне, – вдруг произнес Токемада, когда, поблагодарив хозяев за ужин, гости уже поднялись из-за стола, – как согласуется твоя доктрина чистой совести и ненападения с тем, что ты пришёл сюда на поединок со мною? Думаю, ты и сам понимаешь, что уж завтра ты от меня трактатами не отобьешься и дуэль будет ни на жизнь, а на смерть?

– Хороший вопрос, – Нисан смотрел в глаза самураю всё также светло и спокойно. – А ответ таков: я не собираюсь убивать тебя ни завтра, ни послезавтра, ни – от всей души надеюсь – когда-либо в будущем.

Токемада застыл на месте.

Потом медленно произнёс:

– Так... Я думал, Китай выставил бойца...

Видно было, что японец еле сдерживается, когда он повернулся к хозяину дома.

– Почтенный Ошоби, не смеялись ли вы над честью самурая Шогана, когда представляли нас друг другу? Я – самурай высшего ранга, и мне не пристало обнажать меч против поединщика ниже меня уровнем профессионализма и достоинства!

– Самурай Токемада, – спокойно и жестко ответил старый Ошоби, – если у тебя возникли сомнения в моей чести и чести моего клана, я к твоим услугам в любое время дня и ночи и надеюсь, не разочарую тебя. Что же касается Нисана, то имя и достоинство его известны Шогану, который и утверждал твою кандидатуру на этот поединок. Вот грамота Шогана, читай. А это – китайская грамота с печатью императора Китая.

С минуту Токемада напряженно смотрел в развернутый свиток. Потом медленно свернул его, приложил ко лбу и губам место печати Шогана.

Поднял глаза на Нисана.

На Ошоби.

И поклонился.

– Прошу простить меня, – с усилием произнес самурай.

– Я принимаю твои извинения, – ровно ответил Нисан. – Не волнуйся, моё искусство не разочарует тебя. Мы здесь не для того, чтобы убивать, а чтобы выяснить, чей стиль совершеннее, не так ли? Признаешь ли ты поражение, если я не дам тебе убить себя и оставляю тебя в живых?

– Я буду драться с тобой до смерти. Я вернусь домой победителем – или умру! – стиснув зубы, ответил самурай.

– Спокойной ночи, – Нисан поклонился хозяевам и, не оглядываясь, вышел на террасу.

Нази взяла два маленьких ночника и проводила гостей в приготовленные для них комнаты. Когда она вернулась, отец по-прежнему сидел за столом, неподвижно и тяжело глядя на свои сцепленные в замок руки, лежащие на краю стола.

Девушка стала собирать и уносить тарелки, стараясь действовать бесшумно и не потревожить дум отца. Постепенно и она глубоко ушла в свои мысли, лицо её успокоилось и просветлело, тень беды растворилась на нём без следа. Поднявший глаза Ошоби заметил эту перемену в дочери, удивленно поглядывал на неё, потом позвал по имени.

– Нази, я знаю твои мысли сейчас.

– Да, – негромко ответила девушка. – Они немудрены. Но это просто какое-то чудо!.. И он совсем не похож на буддийского монаха...

– Нисан вовсе не буддийский монах, – спокойно произнёс Ошоби. – Он принадлежит к Ордену Танцующих Монахов, основатель которого – Аподисава Шри Кай Ши – выходец с севера Индии, странствовавший по всему Востоку неприметным скитальцем с зоркими глазами и сердцем. Учитель Аподисава уже в престарелые годы обосновался в монастыре Кай Ши Нунь с небольшой группой своих учеников и стал вести особо аскетический образ жизни. Говорили, что после его смерти ученики полгода не прикасались к телу учителя, думая, что он находится в медитации. «Танцующие монахи» видят мир как прекраснейшее и гармоничное творение Высшего Бога и ставят целью привести человека в состояние гармонии с собой и окружающим миром. В отличие от буддизма, не признающего ни Бога, ни гармонии, ни самого мира и стремящегося погасить и человеческую искорку в этом мире, «танцующие монахи» любят жизнь и верят в её бесконечное и прекрасное продолжение после физической смерти, а саму смерть считают переходом человеческой души в какую-либо иную форму и состояние, близкие по гармоничности состоянию души при жизни.

– Тогда я знаю, чем будет душа Нисана в пакибытии, – засмеялась Нази. – Он будет солнечным лучиком, чтобы будить нас с вами по утрам, если мы проспим... Нет, я серьёзно говорю это, отец! Знаете ли вы, что он сотворил сегодня чудо?

Закончив свой рассказ, девушка добавила:

– Я не знаю, откуда он черпает такую силу проникновения в человеческие души и как удается ему лечить их одним неведомым прикосновением, но без его помощи мне пришлось бы сегодня очень трудно. Иногда мне казалось, что Нисан просто поддерживает нас с вами под локоть и говорит то, что хотели бы сказать мы...

– Да? – нахмурился Ошоби. – Тебе это тоже показалось?

Он покачал головой и вдруг развел сведенные было брови, вздохнул.

– Что ж, это большая честь для нас – получить приязнь «танцующего монаха». А имя Нисана хорошо известно в кругах высоких знатоков боевых искусств. Недаром Шоган, услышав имя поединщика, которого выставил Китай, нимало не колеблясь, тут же назначил бойцом за честь Японии своего лучшего самурая.

– Признаться, я удивилась, что китайцы в этот раз выставили не бойца Шаолиня.

– Не каждое столетие рождается Великий Воин, Нази! Мастера Шаолиня признаны во всем мире, но и я не нахожу сейчас в стенах его бойца сильнее Нисана. Хотя стиль его – не кун-фу... точнее, не совсем кун-фу...

– Вот как?! – изумилась девушка. – Но что?

– «Танцующего монаха» надо видеть в бою. Поверь мне, ты не забудешь этого зрелища никогда. Само по себе чудо уже то, что мы, смертные, иногда видим этих небожителей, – улыбнулся Ошоби.

Они посмотрели друг на друга и неожиданно оба поняли, что говорят совсем не о том, что вызывает такую боль в душе.

Ошоби вновь помрачнел.

Они долго молчали, слушая, как поёт где-то в щели одинокий сверчок. Ночной ветер из незакрытого окна мягко покачивал лепестки ветки сакуры на столе.

– Это будет страшный поединок, девочка моя, – наконец глухо произнёс Ошоби. – Боюсь, как бы не поколебались основы мироздания в этой дуэли. Никогда ещё не сходились в бою такие разнородные стихии. Китайцы выставили «Носителя духа», потому что хорошо знают, каких бойцов культивирует при своём дворе сегодняшний Шоган. Меня ничуть не удивило, в каком шоковом состоянии оказался самурай Токемада, распознав до конца своего соперника. Не познал рассудком – да и никогда не познает! – а душа содрогнулась! И ещё как!! Он желал бы видеть против себя головореза Мунчхона, а нашёл...

– ...своего отца Сёбуро, – тихо закончила Нази. – Отец! – горько воскликнула она. – Не судите его строго! Ведь он не виноват в том, что...

– ...что из него сделали монстра?! – гневно воскликнул, уже не сдерживаясь, Ошоби. – Нет, Нази! Нисан сказал ему в глаза, что за каждый свой шаг и выбор человек должен отвечать! Сёбуро рос в той же среде, но сделать из него машину для убийства не удалось никому! Шоган так и не смог простить ему наличие живой души и живой совести, успешно перенесся вытаптывающий сапог на его сына!.. О, небо! что это будет за поединок! Вся мощь сокрушительной фанатичной японской агрессивности рухнет на этого светлого мальчика, – и носителем этой мощи будет сын Сёбуро Токемады! До какого дня я дожил!

– Отец!.. Но, быть может, дух Сёбуро ещё проснётся, и когда-нибудь...

– Нет, – вдруг совершенно спокойно и твёрдо произнёс старый Ошоби. Так человек, полностью смирившийся с неизбежным, берёт себя в руки после редких болевых всплесков. – Нет, девочка моя. Не лелей напрасные мечты. Чудес не будет. Сёбуро мёртв. Не ты ли говорила мне вчера об этом?

Он подошёл и поднял её за плечи.

– Оставь посуду слугам. Иди и отдохни перед нелёгким днём. Помни только твёрдо одно: мы – Независимые Свидетели – не имеем права давать волю эмоциям и пристрастиям в течение поединков, какой бы ход не принял бой. Эти поединки – не наши, и мы даже не судьи. Мы только чёткие беспристрастные свидетели, глаза, уши и память. Храни сердце от лишних ран. Ты поняла меня?

– Да, отец. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи...

Нази вышла на террасу, опоясывающую дом, медленно прошла по лунным квадратам и теням к своему любимому месту, где сад, омываемый широким мощным потоком, почти вплотную подступал к дому. Шумела в темноте чёрная пенящаяся вода, ветви деревьев роняли в неё хлопья цветочных лепестков.

«Хошипу...позови его по имени...»

Опершись на деревянные резные перила, девушка скорбно смотрела в заводь. Ночь обступила её душу мертвящим кольцом. Гасла надежда...Умирал... умер дух высокой чести самурайства...

«Великие неприятности ждут тебя, если ты позовёшь его по имени...»

Умер дух Сёбуру Токемады... Для чего тогда жить?..

«Слёзы твои прольются дождём, тебе не сдержать их...»

Негромкие шаги раздались в конце коридора, они медленно приближались. Не поворачивая головы, Нази пыталась угадать, кто это. Вдруг поняла и почувствовала, как горячо и сильно забилося сердце.

Шаги замерли за её спиной.

– Эти места действительно очень красивы, – произнёс самурай Токемада. – Они напоминают мне долину моего детства. Мне жаль, что я не знал об этом раньше. Я бы чаще бывал здесь.

Нази продолжала смотреть на струящийся поток. Потом негромко сказала:

– Когда я была ещё ребёнком, каждый год ко Дню Любования Цветами мы с мамой и отцом делали из коры маленькие лодочки и устанавливали на них разноцветные фонарики. Когда наступали сумерки, все ребяташки округи спускали свои кораблики вниз по течению потока и загадывали вслед им заветные желания. Это было необычайно красиво и трепетно! Огоньки уплывали, и струящиеся отблески их ещё долго змеились по чёрной воде. Помню, в этот вечер в садах всегда нежно и печально звучала флейта...

Самурай шагнул из темноты и встал рядом с девушкой, тоже положив на перила локти.

– Мы тоже делали с мамой фонарики, только подвешивали их на бамбуковые трости. Если не было военных действий или особых поручений Шогана, отец обычно приезжал на День Любования в отпуск. Возле нашего дома тоже протекал широкий ручей, и отец устроил над ним навесной арочный мостик. Мы стояли с мамой в сумерках на этом гулком мостике с фонариками и ждали стука копыт по дороге. Иногда он мерещился мне: так сильно билось сердце...

Он задумался и замолчал.

Так они и стояли ещё некоторое время неподвижно над чёрной струящейся лентой воды, и глянцевого атласа её, вихрясь и пенясь в ночи, не отражал в себе ничего.

Ранним утром, облачившись в ритуальные одежды клана Ошоби, Нази зашла в комнату отца. По сладковатому мареву ароматических благовоний, ещё наполнявшему собою воздух, она поняла, что отец уже совершил утренние молитвы. Сам Ошоби задумчиво сидел возле окна лицом к двери, поджидая дочь. Увидев её, улыбнулся и хотел было уже по традиции спросить, как прошла ночь, но, внимательнее приглядевшись – промолчал и тоже посерьёзnel. Подошел, положил руки на плечи дочери, долго смотрел в её глаза. Потом благословил и повязал ей лоб узкой белой лентой с вышитым на ней иероглифом «Беспристрастность». От жертвенника, ещё курящегося тонкой струйкой благовонного дыма, принес меч с перевитой черной тесьмой рукоятью и узорчатой рапидой. Тускло сверкнули вороненные старинные ножи. Нази приняла оружие из отцовских рук, поцеловала и продела в перевязь.

Уже возле дверного проема девушка обернулась.

– Позвольте мне задать вам один вопрос, отец. Я знаю, что вы никогда не пытались говорить с Матэ о его отце. Скажите мне – почему?

Ошоби собранно глянул в её глаза:

– Ты ошибаешься, Нази. Я пытался.

Мрачные тени каких-то воспоминаний скользнули по его лицу. Она не отрывала глаз, но старик сказал единственное:

– У меня росла дочка. Я хотел, чтобы она жила.

Девушка опустила глаза. И тоже тихо, но требовательно добавила:

– А потом?

– Потом было уже поздно. Ты видела вчера сама. Матэ Токемада – сын Шогана.

Она промолчала, медленно повернулась и пошла к двери.

Ошоби вышел следом.

Было ясное свежее утро. Первые лучи солнца пробились сквозь древесные заросли и засияли в миллиардах капелек росы.

– Где они? – негромко спросила Нази.

– Молятся. Монах – на полянке с той стороны дома. А самурай... – Ошоби махнул рукой вдоль террасы.

Нази обернулась, нашла глазами фигуру японца, вздрогнула и тревожно глянула на отца.

Тот хмуро и задумчиво смотрел в указанную сторону.

Сквозь резные перила террасы хорошо виден был весь поток, сейчас яркоцветный, живой, с пятнистыми камешками на мелководе. По течению его искусственной преградой был устроен водопад, и почти сразу же в месте падения воды русло делало резкий изгиб. Феерия радужных брызг стеною висела в воздухе, усыпала водяной дробью несколько широких плоских плит, всегда чёрных от влаги, и пышные подушки ярко-зелёного мха. Дивной красоты уголок этот был творением мастерских рук хозяина дома, и именно на этих каменных матах так любил по утрам медитировать в дни своего гостевания в доме Ошоби самурай Сёбуто Токемада...

Сейчас один из камней был занят Матэ. Весь в белом сегодня, с закрытыми глазами, в позе сэйдза (сидя на коленях и пятках, руки на середине бёдер). И расслаблен, и собран одновременно; видно, как хлещет по его корпусу жёсткая водяная пыль.

Нази огорчила мрачность отца, не отрывавшего сосредоточенного взгляда от фигуры молодого самурая, словно тот занял неподобающее ему место за гостевым столом. Матэ не мог ни о чём знать, его выбор был абсолютно случаен! Но Нази не поняла, что именно эта случайность, инстинктивность выбора места для медитации так поразила старого Ошоби...

Он вздохнул и отвел глаза. С левой стороны террасы уже слышались лёгкие шаги Нисана. Они обменялись поклонами и приветствиями. Китаец был всё также светел и улыбочив, но в глазах его уже не было ни тени вчерашней беззаботности, они стали твёрдыми, быстрыми, собранными – глазами бойца.

От изумления Нази невольно поклонилась ему ниже обычного.

Самурай уже стоял с другой стороны от хозяев. Волосы его искрились миллиардами мельчайших водяных пылинок. Капельки дрожали и на лице, руках, мече. Его словно совсем не беспокоило, что вся одежда на нём пропитана влагой. Глаза, поднятые на Нисана после традиционного поклона, казались отражением глаз китайца, в них те же зоркая твёрдость и сосредоточенность. Вообще поединщики, казалось, видели сейчас только друг друга, какие-то незримые нити протянулись между ними, они жадно ловили взгляды друг друга и отвечали словно друг другу; так жених и невеста нетерпеливо ждут окончания суеты брачного пира, чтобы остаться наконец наедине для самого важного в их жизни.

Отец и дочь тоже почувствовали это. Старик коротко кивнул. Нази поклонилась ему и первая шагнула с террасы, ведя за собой бойцов к месту поединка – их славы или гибели.

Всякий раз, проходя этим путём – через сад, затем девственный предгорный лес, затем редколесье побережья – чувствовала Нази странную иррациональность происходящего. Так естественно было всё вокруг: колышущиеся под тёплым душистым ветром листья и травы, золотистая рябь солнечных пятен на каменистой узкой тропинке под её легко ступающими ногами, стремительно порхающие перед самым лицом непуганые лесные птицы, звонкие переливы пения которых так радовали слух, – всё жило вокруг и ликovalo от счастья жить, а она вела на кровавый смертельный поединок двух сильных красивых молодых мужчин, – для чего? во имя чего?.. Там, у самого побережья, гравиевые и гальковые холмы покрывают собой тех, кто так же шёл этим путём год, два, десять назад. Кто помнит о них? Кому дороги их имена?..

Только она и отец приходят иногда к этим могилам, к столбикам с иероглифами имён, жгут ладан в маленькой часовне среди скал.

Нази хорошо помнила тот вечер, когда она впервые задала отцу этот вопрос: зачем? Зачем они, Ошоби, поколение за поколением посвятили себя служению на этих кровавых поединках? Она слышала мнения многих, – о чести, национальной доблести, религиозном служении, совершенствовании боевых стилей, совершенствовании духа, но её отец мыслил иными категориями, и лишь его мнение было для Нази важно.

И она помнила его вдумчивый неторопливый ответ: «Во всем есть смысл, девочка моя. Традиции культивируются поколениями, и выживает лишь то, что рационально и разумно. Без традиций рухнет всё мироздание, это столпы, поддерживающие порядок в мире. Хороши или дурны эти традиции, нужны они ещё или отживают, судить не нам. Кто ввёл их – тот и отменит их, когда придёт срок.

Ты знаешь, что столетиями кипели во всём мире войны, сотрясающие собой и Корею, и Китай, и Японию. Соответственно, столетиями Бусидо культивировало национальный агрессивно-воинственный дух Японии. А не столь далёкая ещё Сэнгоку Дзизай – «Эпоха воюющих провинций», доведшая своей безумной военной вакханалией страну до грани почти полного распада! Относительный мир воцарился лишь при Шоганате Токугава, но это мир – внешний. Страна по-прежнему напичкана оружием, как засеянные поля – зерном. Остался тот же воинственный дух самурайской морали, тот же фанатизм Бусидо и жадное стремление поработить и оккупировать весь окружающий мир, начиная с Кореи и Китая... Это ещё счастье, что есть поединки, Нази! Пока в них выливается накал японского агрессивного самолюбия, пока в такой, сравнительно невинной форме выясняется преимущество того или иного оружия, – это подарок судьбы! Ты ведь понимаешь, есть и другой способ выяснения, кто сильнее... более страшный...»

«Да, – ответила тогда грустно девушка. – Война...»

И всё-таки всякий раз, когда уходили бойцы тропею поединка, мучительной болью сжималось сердце Нази, всё существо её протестовало против заклания этих новых жертв, – во имя поддержания мира? – и она уговаривала себя не думать, принимать всё, как есть. Она понимала, что будь она парнем, всё было бы проще.

В прошлый раз встречались также китаец и японец. Оба они пали. Ей пришлось хоронить обоих. Первым умер самурай, весь истекший кровью. К концу поединка его белые монцуки и штаны-хакама были сплошного алого цвета. Китаец испустил дух несколько позже, изрубленный до неузнаваемости. Как могла, она старалась помочь, хотя понимала, что ему не выжить. Но он очень хотел жить... Она отправила почтового голубя к отцу (голуби содержались специально для таких случаев при часовне на кладбище), а когда вернулась к месту поединка, китаец уже был мертв.

Это был её первый поединок. Плотный солёный ветер с океана сбивал с её лица слёзы, свистел в камнях на могилах...

Она взяла мечи поединщиков, завернула их в белое полотно. И пошла в Эдо. Долгое время почти каждую ночь снился ей этот одинокий путь. И Нази не знала, сколько лет жизни отнял он у неё.

По древней традиции их должно было быть трое – два поединщика и свидетель из клана Независимых. И чистое пространство вокруг. За день до поединка место специально освящается, чтобы «отогнать злых духов» как с той, так и с другой стороны. Толпа зрителей также излишня, – в ней могут затаиться колдуны и чародеи, незаконно вмешивающиеся в ход поединка вызыванием «ками»-духов и сил из потустороннего мира, а также всевозможные нинзя из мира вполне реального, что вообще очень характерно для коварной души японца, удобно совмещающей в себе несовместимое – кодекс чести Бусидо и потрясающее вероломство.

«В традициях есть глубокий смысл, девочка моя...» – вспоминала Нази, на долю которой в тот день выпали две страшные смерти, двое похорон в полном одиночестве и такая же одинокая двухдневная дорога в столицу.

«Парочка нинзя с лопатами в тот день мне бы очень пригодилась», – призналась она потом отцу.

Но он не поддержал её горькой шутки. И сказал ей то, что перевернуло весь её взгляд на служение Независимых Свидетелей, что дало ей силу и мужество на будущее, что стало смыслом всей её жизни. «Поединки самураев появились ещё в эпоху Гэмпей. И имели интересные последствия: сторонники павшего в поединке самурая, не желая принимать поражение своего клана или стиля, нередко хватались за мечи, и начиналась на поле поединка безобразная резня с далеко идущими последствиями – провинция восставала на провинцию, клан на клан. Поэтому существующий ныне ритуал поединков продуман и отработан до мелочей: от рэйсики (этикета) и техники поклонов до начала боя, экипировки, вооружения и концепции самого поединка и до рэйсики завершения поединка как бойцами, так и свидетелями. Тем более что здесь уже не клан на клан. Здесь уже государство на государство!.. Парочку японских нинзя тебе? И парочку бойцов Шаолиня? Или – по отряду с обеих сторон?..»

Тут Нази и поняла. И содрогнулась... Непомерная тяжесть служения клана Ошоби – Независимых Свидетелей Поединков, достаточно независимых, чтобы предотвратить войны, – согнула хрупкие девичьи плечи.

Отец предсказал, что следующий поединок будет также японо-китайский. Шоган ни за что не смирится с поражением. Он неминуемо пошлёт новый вызов Китаю, как только подготовит достойного бойца.

Тропинка вынырнула из лесной чащи на залитый щедрым солнцем склон. В воздухе отчётливо чувствовалось дыхание близкого океана. Нази чуть обернулась. Следом за ней шёл Нисан. Он поймал её быстрый взгляд через плечо, спокойно улыбнулся. Самурай замыкал шествие, глаза его скользили по склону откоса и дальше, к горизонту, в явном ожидании увидеть цель пути – прибрежное каменистое плато.

Нази отвернулась.

Матэ Токемада. Выращенный Шоганом для одного этого дня...

Краткий утренний разговор с отцом многое раскрыл девушке. Шоган вложил в юношу все свои честолюбивые мечты, всю свою ярость поражений, всю свою сокрушительную волю к победе любой ценой, он оберегал его, воспитывал и направлял, тщательно контролируя каждый шаг, каждый контакт молодого самурая, каждый его ночной вздох, шлифовал его как меч для одного единственного виртуозного удара в нужный момент. С детских лет наставниками Матэ Токемады были учителя, попасть в школу которых являлось недостижимой мечтой для сотен элитарных самураев. Его личным наставником в стиле иайдо эйсин-рю («искусство победы одним ударом меча») был главный мастер 7-го поколения Хасэгава Мондоносукэ Эйсин, любимым изречением которого было: «Истинный удар всегда приходит из Пустоты». Личным учи-

телем Матэ по дзен-буддизму был великий Банкэй, уже престарелый и глубоко просвещённый в мистике, философии и этике Пустоты будда, певец Смерти во всех её проявлениях – в Любавании Цветущей Вишней, в Любавании Осенними Листьями Клёна, в Любавании Луной или Тихими Снегами, всем, за чем в конечном итоге стоит Смерть, «исток, завязь, начало всякого явления и в то же время – его завершение, предел, высшая степень проявления». В совокупности Хасэгава и Банкэй и сформировали в поразительно короткий срок требуемый Шогану материал: глубоко презирающего смерть и страх перед нею, глубоко равнодушного к жизни и её радостям бойца, основной принцип которого: «Идеальный самурай – сверхчеловек, душа его – меч, профессия – война, достоинство – честь, назначение – смерть». Добавив немного из традиционной японской религии синто, суть которой в том, что император Японии – прямой потомок богини Аматаэрасу, а все японцы – богочеловеки, Шоган сориентировал национальный дух молодого самурая в глубочайшем преклонении перед Сыном Божеств – императором и изъяснителем воли Неба – Шоганом, выше чего для Матэ Токемады не было уже ничего.

Нази специально изучала «Хагакурэ Бусидо», самурайский кодекс чести. Некоторые разделы просто потрясли её: «Никогда не следует задумываться над тем, кто прав, кто виноват. Так же никогда не следует задумываться над тем, что хорошо, а что плохо... Вся суть в том, чтобы человек никогда не вдавался в рассуждения. Убить врага не задумываясь – вот высшая цель». Основа тренинга иайдо – концепция Муга Мусин («ни себя, ни разума») – оставь мысли о победе, очисти себя от всяких мыслей, и тогда сила богов или сила Пустоты войдет в тебя и совершит через тебя то, что сочтёт нужным. Тренируйся упорно и помни, что конечная точка развития мастерства самурая – это приход в Великую Пустоту. Чем меньше тебя, чем больше в тебе Пустоты – тем ты совершеннее, тем ближе желанная Смерть и Нирвана.

Для полноты образования и воспитания, как и многие высокопоставленные молодые самураи, Матэ прошёл курс обучения в элитной школе Консэй, где помимо различных боевых искусств преподавали философию Конфуция, математику, медицину, фармацевтику, поэзию и музыку, искусство каллиграфии, икебаны и чайной церемонии «тя-но-ю», даже основы национального театра «но».

Нази слышала, что одарённый от природы юноша проявил во всём хорошие способности и в то же время – скорее безразличие, чем интерес. В разговоре он легко мог процитировать любое изречение или стихотворную строку, проявить знания по необходимости в различных практических сферах – безо всякого апломба или желания произвести эффект, и тут же вновь уходил в себя, в непроницаемый для других внутренний мир. Друзей у него не было, он ни к кому не приближался и ни от кого не устранился, но был весь в себе, что вообще-то очень по-японски. Умел ли он плакать или смеяться, любить или ненавидеть?.. Говорили, что Шоган создал в его лице либо само совершенство, либо заводную куклу, оживающую по-настоящему лишь при виде Шогана или обнаженного к бою меча. Вся душа его была – преданность Шогану. Вся любовь его была – бой. Во всём остальном Матэ Токемада – холодная вежливость с налётом цинизма, что вообще-то свойственно многим высокопоставленным даймё, особенно, если они чувствуют за собой крепкую поддержку – своего господина или собственного фехтовального мастерства.

Так слышала Нази о молодом Токемаде. Таким и увидела она его вчера.

Да, Сёбуро мёртв...

И последняя – тайная и глупая – надежда её угасла.

Самурай Сёбуро... Она вдруг отчётливо услышала звонкое шлепанье своих босых ножек по тёплым доскам веранды, переливчатый радостный смех: «Сёбу-сан! Сёбу-сан!..» Она всегда так гордилась тем, что каким-то чудом всегда узнавала стук копыт его коня ещё за дальними деревьями сада, первая вылетала, раскинув руки, во двор. «Сёбу-сан приехал!..» – «А, моя птичка! Покажи, как умеет летать Назико-сан!» Он легко, точно ручного сокола, подбрасывал детское тельце в воздух. Она кричала от восторга и замирания сердца, но бесстрашно верила

в надёжную добрую силу этих рук. Потом, всхлипывая, обнимала гостя за шею, соскальзывала на землю, как с вершины дуба, сияющими глазами смотрела, как раскланиваются взрослые.

Она нередко слышала позднее о том, что Сёбуру Токемада был внимательно-серьёзен и неулыбчив. В их доме он был – сплошная улыбка, улыбка непритворная, открытая, совершенно детская и раскрепощённая. Первый самурай грозного Шогана самозабвенно возился с её поделками из бумаги и рисовой соломки, ему, как непререкаемому авторитету, показывала она свои вышивки по шёлку, читала праздничные танки и шептала на ухо важные секреты...

Очень многое о нём узнала Нази лишь позднее, когда смогла понимать и когда Сёбуру уже не стало. А пока она могла только любить, смотреть и помнить. Она видела, что он счастлив в их доме, что любит их и верит в их любовь так, что оставляет свои мечи – катану и вакадзаси – рядом с мечом отца, что для самурая вообще немислимо. Тогда – ей казалось это вполне естественным. Лишь познав как следует окружающий их мир, поняла Нази всю противоестественность дружбы её отца и самурая Сёбуру, противоестественность нормальных человеческих отношений в мире японской морали и японского этикета, где вообще всё вывернуто наизнанку, где «у каждого японца по шесть лиц и по три сердца», где эмблема японского мироздания – гора Фудзияма – борец-самурай, бросающий вызов обитателям неба и земли: в сердце Японии – клочущая лава, а на лице её – улыбка; где близкие родственники встречаются, держа руки на мечях, и где весь этикет самурая построен на чётких указаниях, как держать руки при поклоне и как должен быть сориентирован меч, чтобы раньше выпрямившийся родственник не снёс тебе голову с плеч по всем канонам иайдо раньше, чем ты смог бы отразить удар...

Позднее, подрастая, она жадно начала искать в окружающих их мир людях отблеск улыбки Сёбуру, но чистая и чуткая душа девочки, воспитанная в духе совсем иной морали, к тому же долго оберегаемая отцом от тесного контакта с миром театральных улыбок, быстро почувствовала всю их фальшь, даже тайную неприязнь и враждебность за самой ослепительной любезностью. А когда умерла мама, пронзительная боль правды вдруг ошеломила Нази, – она поняла, что отныне, во всём огромном окружающем их мире, они остались вдвоём – она и отец. Как два зрителя в зале театра «но», где идёт грандиозный спектакль масок и у каждого – своя роль, но они с отцом – только зрители...

А когда тайная боль её достигла апогея, Нази внезапно осознала, что у Сёбуру остался сын! Мальчик, не намного моложе её!

Она помнила свою радость, сумбур чувств, надежд, фантазий... Он должен быть похож на Сёбуру во всём, у него будет та же светлая благородная душа, быстрая и яркая улыбка, его мужество, его прекрасная поэтичная натура, ведь он же – сын! Они встретятся и обязательно подружатся, Сёбуру снова войдёт в их дом! Она мысленно играла с Матэ в свои любимые игры, она дарила ему подарки, делилась радостью своих успехов и однажды, в День Любования Цветами, когда нежно пела в саду флейта, она пустила в плавание по потоку свой золотистый фонарик-кораблик, с замиранием сердца прошептав ему в след: «Пусть мы встретимся, пусть подружимся. Как папа и Сёбуру!...»

...Бедная девочка! Если бы она знала тогда, как успешно в это время вытравливается из Матэ Токемады даже память о его отце! Как «плодотворно» наполняют его душу Пустотой! И как горько прав был её отец, от которого она имела все эти годы единственную сокровенную тайну по имени "Матэ"...

Отец был прав.

И – не прав!..

Иначе – что значила внезапная ночная откровенность молодого самурая?! Ей! Об отце!.. Которого он всё-таки помнил? И – любил?! Мысли Нази спутались. Маска? Как у всех?.. А под маской?.. Пустота?.. Или?..

«Прекрати! Не смей! Не думай! Хватит боли! Ты фантазировала всю свою жизнь! Послушай своего мудрого отца, мечтательная дурочка! Ты всё равно ничего не добьёшься! – кричала себе Нази. – Эти люди – другие, они все играют в коварные игры своих потаенных замыслов, и он – давно уже один из них! Они легко живут, потому что не боятся смерти, и легко умирают, потому что презирают жизнь. Они убеждены как актёры, что после окончания спектакля, где мотыльками летят в огонь, они снова выйдут на сцену в другой день – в тех же ролях или иных, и снова наденут маски... что сможешь ты тут сделать?!.»

Но душа девушки была в смятении. Она зажгла ладан и молилась всю ночь, пока перед рассветом тяжёлый сон не сморил её прямо на полу.

Часть 2

К ровной каменистой площадке – основному полю для поединков – вели две тропинки: прямая – через кладбище, и круговая – со стороны океана. По традиции Нази повела бойцов первым путём. У первых же могил оба поединщика сразу поняли, зачем они здесь, и замедлили шаги.

Могил было двенадцать, – с тех пор, как приехали Ошоби в Японию и по высочайшему повелению Шогана поединки возобновились на японской земле. Нази знала, что оставшееся в Китае кладбище павших бойцов куда обширнее.

Токемада и Нисан свернули с тропинки и разбрелись среди могил. Нази терпеливо ждала их, отвечая на вопросы и давая требуемые пояснения. Она услышала возглас самурая: «Танимура!» – и увидела, как тот земным поклоном почтил память своего предшественника, которого хорошо знал лично. Монах медленно трогал ладонью тёплые камни с именами. «Что это?» – внезапно воскликнул он, остановившись возле двух неглубоких траншей на краю кладбища, сразу за последним рядом могил. «Почва здесь каменистая, – тихо объяснила Нази, подходя и становясь рядом. – Поэтому могилы вырубают заранее. Одному человеку с этим не справиться, тем более женщине. Поэтому и могильные холмики не земляные, а гальковые... Я верю, что вас это никак не коснётся!» – излишне горячо добавила Нази, глядя на Нисана, на удивление совершенно спокойного. «Надеюсь», – просто ответил тот, но на этот раз даже без тени улыбки.

Самурай уже стоял на тропинке, глядя на них.

В лицо ударил крепкий океанский ветер. Казалось, он полон мелких брызг прибоя. Три человека стали медленно подниматься по каменистому холму к плато у прибрежных утёсов. Постепенно перед глазами открывалась цель их пути – сравнительно ровная площадка овальной формы примерно пятнадцать на восемь дзё¹, одним концом упирающаяся в скальные нагромождения. Собственно говоря, не было особых ограничений для пространства поединка, он мог продолжаться и на склонах холма, и среди хаоса прибрежных каменистых насыпей, и в полосе прибоя, и в травянисто-кустарниковых лощинах, – для любителей особо острых ощущений.

Но начальный ритуал происходил всегда здесь.

Нази развела в стороны руки ладонями назад и шагнула вперёд одна. Бойцы поняли её и остановились на краю площадки.

Медленно пересекая узкую часть овала с похрустывающими под ногами крошками скальных пород, девушка старалась не думать о том, что она знала достоверно: каждый камешек здесь полит кровью павших ранее, каждая трещинка в базальте, как ненасытный рот, требует ещё кровавой пищи. Никакими ливнями, столь частыми в этих краях, не замыть начисто арену ристалища, этот великий жертвенник под открытым небом.

На противоположном краю площадки она остановилась. Перед её глазами буйствовал пенисто-сизый океан.

На минуту Нази закрыла глаза. Скала под её ногами сотрясалась от ударов яростного прибоя. Через несколько мгновений она своими руками начнёт то, от чего криком протестует всё её существо!..

Усилием воли девушка жёстко подавила все эмоции и тошнотворную дрожь в руках. «Эти поединки – не наши, и мы даже не судьи» – напомнил голос отца. – «Да!» Нази коротко прошептала молитву и обернулась.

¹ Дзё – традиционная японская мера длины (3,03 метра)

Они стояли там, где она оставила их. Смотрели только на неё, словно не замечая друг друга... Нисан... Токемада...

Нази шагнула им навстречу, отработанным жестом приглашая поединщиков к себе. На требуемом расстоянии велела им остановиться.

– Я – Назико Ошоби, Независимый Свидетель двенадцатого поколения, начинаю поединок уровня Отой и требую назвать препятствия к нему, если таковые имеются, у избранных к бою.

– Нисан, монастырь Кай-Ши-Нунь, боец ранга «ка», препятствий к поединку не имею.

– Самурай высшего ранга из рода Миновары Матэкура Токемада, капитан Второй армии Шоганата, препятствий к поединку не имею.

– Хай! – Нази опустила руки. – Прошу вас, начнём. Камидза! Синдзэн но рэй!

Поклоны в сторону сёмэн (ритуальных святынь), роль которых в данном случае выполняли могилы павших бойцов, поклоны дзарэй – сидя: друг другу и боевому мечу. По давней традиции этикет соблюдался по обычаям той страны, на территории которой проводился поединок. Сейчас Нази проводила японский рэйсики стилия иайдо. В её руке вспыхнул обнаженный меч Свидетеля, острие которого указало каждому из поединщиков его исходное место.

Меч поднят.

Меч резко опущен. Команда к бою.

Больше от Нази не зависело ничего.

Двадцать минут с начала поединка. Но время словно отступало, теряя свои размеренность и неизменность. Секунды то убыстрялись, отсчитываемые лязгом ударов мечей, то совершенно засыпали в тягучем киселе медленно кружащихся фигур. Поединщики – на краю вечности – никуда не спешили. Слишком велика была цена одного неточного движения. Каждый пробовал ненавязчиво различные тактики, нащупывая роковую слабину в технике противника. Несведущему зрителю показался бы скучным этот плавный, нерезкий танец, лишь изредка взрывающийся шквалом быстро стихающих атак. Лишь Нази был очевиден весь напряженный драматизм первой части поединка великих мастеров. Она знала, что неминуемо будет и второй: более короткий и эффектный, но уже финальный и роковой, когда кто-то наконец прорубит оборону соперника для одного-двух решающих ударов. Нази знала: чем выше мастерство бойцов, тем меньше будет ран на теле побежденного.

Эти минуты дали ей возможность вполне оценить степень мастерства обоих поединщиков. С детских лет отец усиленно обучал Нази различным стилям ведения боя – рукопашного и с применением холодного оружия, – и по потребности девушка могла показать хороший результат, но она понимала, что никогда не станет мастером высокого класса, в ней не было той сердцевины, движущего стержня совершенствования настоящего бойца – желания жизни боем. И всё же она с детства была покорена и заморожена красотой боя на мечах великих мастеров, тем более что тренировочные поединки отца и самурая Сёбуро, приносящие девочке всегда такое высокое эстетическое наслаждение, кончались бескровно, смехом, шутками и дружескими объятиями бойцов. Осознание того, что такое смерть в бою, вошло в её жизнь позднее и немало добавило к скорбному опыту реальной жизни, но печаль только обострила чувство прекрасного в душе девушки. В любом случае, она предпочитала быть свидетелем на поединках, а не их участником.

Матэ Токемада, напротив, жил боем. Плавность, скоординированность, точность движений его меча говорили о технике очень высокого уровня, той технике иайдо эйсин-рю, которая достигается только путём ежедневной, долгой, напряженной и сосредоточенной работы на тренировках, причём работы – любимой, приносящей глубокое эстетическое наслаждение даже в «мелочах». Только в бою было видно, какой утончённый эстет и певец своего дела

самурай Токемада. Катана пел в его руках, по одному звуку его характерного свиста опытный мастер понял бы, насколько точны углы наклона лезвия при ударах. За полчаса поединка Нази не заметила ни единого лишнего движения рук или корпуса самурая, которые не приемлемы и стратегически, и эстетически. Со стратегической точки зрения они вызывают задержку в молниеносности правильного удара, ослабляют бойца и мешают ему, они не рациональны; а с эстетической точки зрения любое отклонение от идеала делает движение менее красивым, а реальный удар красив, потому что быстр и силен: меч как будто появляется ниоткуда, причём словно без малейших усилий со стороны бойца. Не заметно было также ни малейших признаков усталости или нетерпения со стороны самурая, что тоже характерно только для очень опытных бойцов, вся жизнь которых – в их мастерстве. Насколько Нази могла сравнивать, предыдущий японский поединщик Танимура Масатаки, более старший по возрасту и более прославленный, чем Матэ, всё же уступал ему в технике. Если Токемада выживет, внезапно подумалось девушке, он вполне может оказаться следующим сокэ (главным мастером Японии по иайдо) и лучшим её фехтовальщиком после Хасэгавы Эйсина.

«Если...» – потому что то, что показывал в поединке Нисан, было вообще не сравнимо ни с чем! Нази понимала, каким неприятным сюрпризом оказался для Токемады китаец, к которому он сначала так пренебрежительно отнесся! Но к чести самурая, Матэ вёл себя так, словно каждый день только и делал, что сталкивался с финтами «танцующего монаха»...

Нисан «танцевал»...

Это было похоже на бой самурая с тенью или солнечным зайчиком, на попытку проколоть ветер или рассечь солнечный луч!

Первое время Нази занималась больше своими эмоциями, чем фиксацией комбинаций поединка! Она понимала, что скорее всего видит подобное первый и последний раз в жизни.

Нисан «танцевал»...

Казалось, ему удалось создать не боевой стиль, а своеобразную философию торжества жизни. Если самурай жил боем, то монах видел в бое часть жизни, её маленькую составляющую – и только, потому что жизнь для него была беспредельна и бесконечна. Он не боялся смерти, и не потому, что был очень храбр, а потому, что смерти в его мире не существовало. Живой или умерший, он продолжал бы жить вечно в Танце Бесконечного Ликования Жизни.

Монах «танцевал». Он струился, как ветер, взлетал перепёлкой, увертывался леопардом, в нём словно переплелись все мыслимые и немыслимые стили кун-фу; все движения Нисана были естественны, легки и пластичны; его тело словно не имело костей и было способно принимать любую форму. Казалось, Нази иногда слышала его смех, смех без звука, в одних движениях стиля «пьяницы», или в коротком вскрике «журавля, едва не ужаленного змеей», когда Нисан отдёргивал ногу в миллиметре от падающего на неё острия японского меча.

Она замечала и лёгкий лучик улыбки на лице китайца, скорее намёк на улыбку, и немыслимо было представить, что тот сможет нанести самураю смертельный удар, что он хочет этого удара. Меч в руке Нисана служил действительно только для молниеносной защиты, и лишь однажды, когда Токемада, видимо, совсем в этом уверился, произошло немыслимое. Самурай быстро начал комбинацию многостороннего удара батто хо но оку, монах отбил его уже в нижней точке, оба меча смотрели остриями вниз. Но уже через мгновение острие длинного китайского меча было в правом плече Токемады! Как произошло это, не понял никто. Казалось, сверкнула молния, ужалила – и исчезла. Монах вполне мог продлить движение гораздо глубже и нанести ранение более серьёзное.

Самурай отлетел как леопард, извернувшись в воздухе, плечо его окровавилось, на белом монцуки расцвела алая роза... И Матэ, и Нази поняли, – это был только урок, преподнесённый самоуверенному японцу. Нисан очертил территорию досягаемости и показал ещё один уровень глубины своего искусства, доселе не явный.

Тут Нази впервые заметила тень беспокойства, скользнувшую по лицу самурая. Очевидно, он понял, какой тактикой монах хочет добиться победы: измотать противника и обессилить его кровопусканиями, не убивая. Видимо Нисан, в отличие от японского бойца, был мастер не молниеносного, а затяжного боя или же был мастер «на все руки», предпочитая сейчас второй вариант.

Токемаду это мало устраивало, он помрачнел, чувствуя, что ему навязывают бой на чужой территории и по чужим правилам. Он, напротив, усилил атаки с усложненной техникой выполнения, многие из которых были Нази совершенно неизвестны. Она поняла, что столкнулась с набором особо секретных приёмов иайдо – бангай но бу, доступных лишь единицам мастеров высокого уровня, и поразилась, что Матэ Токемада неплохо владел ими, он был слишком молод для такого класса.

Но, видимо, самурай выкладывал последние карты. Подчиняться условиям противника означало для него гибель. Быть может, смена поединочного пространства дала бы ему определённые преимущества, но монах упорно держал противника на площадке и на самом солнцепёке, выматывая монотонностью и однообразием ведения боя. Восходящим ударом самбон мэ самурая удалось впервые пробить защиту Нисана, ранив его в шею, тут же он получил серьёзный ответный удар в бедро, покачнувшись влево, падая набок на колено, выронил длинный меч... И— молниеносным коварным ударом короткого меча в левой руке отсек Нисану правую кисть с мечом!

Нази на несколько секунд остолбенела: Матэ был «рётодзукай» – «двурукий» мастер, одинаково владеющий искусством фехтования для любой руки! Обычно такие мастера держат в глубоком секрете своё искусство и используют его, только когда знают, что не оставят свидетелей. В данной ситуации Токемада, видимо, выкладывал последний козырь, стремясь одолеть Нисана любой ценой. Нази поняла, что Матэ, как и Шоган, поставил на эту дуэль всё и его мало интересовала своя дальнейшая судьба.

...Нисан подхватил свой меч левой рукой. Только удивительное искусство кун-фу позволило ему увернуться от добивающего удара самурая. Матэ рванулся в стремительную атаку, понимая, что сейчас всё решают секунды. Хотя кровь и хлестала из руки китайца, он был ещё очень опасен. Глаза Нисана ничуть не отразили боли, были всё такие же ясные и острые, как-то твёрдо смеялись, словно хваля ловкий финт японца.

И вдруг Нисан отвернулся от соперника. Совсем!.. Левая рука спокойно опустила меч. Монах посмотрел на Нази, побледневшую и застывшую на краю площадки, шагах в десяти от поединщиков, улыбнулся ей одними глазами – спокойно, светло, ласково и твёрдо, точно ободряя и что-то требуя...

Доля секунды, и меч Токемады со всего маху врезался в корпус монаха, рассекая его надвое...

...Первые секунды девушке показалось, что внезапная молния разбила небеса, и на землю отвесной стеной хлынул белый ливень, потому что она внезапно ослепла и задохнулась. Постепенно марево отошло, она стала видеть. Вот Матэ выпрямился и характерным движением–тибури стряхнул кровь со своего меча. Нази знала, что при этом должен быть резкий свист, но стояла плотная тишина; она мотнула головой, и окружающий мир взорвался шквалом звуков, таким оглушительным, что, заговорив, девушка не услышала саму себя. Тогда она закричала и поняла, что её слышали, когда Токемада повернул к ней голову.

Самурай увидел лицо девушки и понял, что только что нанёс смертельный удар не только Нисану...

– Зачем ты это сделал?!

Первое, что ощутил Матэ, это неприятное изумление, что девушка обратилась к нему на «ты». Но, увидев её глаза, он понял, что сделано это было не от дерзости или невоспитанности, а в состоянии тяжелого шока, когда от боли плохо понимают, что говорят и как.

– Я сделал то, для чего пришёл сюда, – помолчав, сдержанно ответил самурай.

– Ты пришёл сюда именно убивать?.. Ведь Нисан был тяжело ранен и уже не был для тебя смертельно опасен... – Она говорила это негромко, изумлённо, точно пытаюсь ещё что-то втолковать ему.

– Вы собираетесь учить меня Бусидо?

Она медленно покачала головой.

– Думаю, у тебя был ещё и приказ – убить Нисана... Посмотри на меня. Я умею хорошо владеть кинжалом, мечом, луком и нагинатой. Я – воин, хоть и не самурай. Ты хочешь убить меня?

– Я не воюю с женщинами, – нахмурился Токемада.

– Ах, так ты на войне? А с кем? С Китаем? Тогда я – китаянка. Думаю, во мне не менее шестидесяти процентов китайской крови. Так хочешь ты убить меня?! – хрипло воскликнула девушка. – Я не знаю, с кем ты воюешь, – продолжила она чуть спокойнее, видя, что он мрачно молчит. – Сейчас война или нет? Нисан не воевал с тобой и не хотел твоей смерти, потому что это было только состязание стилей. Он мог тебя убить, хотя бы для того, чтобы обезопасить свою родину от опытного потенциального врага, и никто не осудил бы его за это! Но он прежде всего видел в тебе живого человека, и сейчас мир... Но ты – на войне? Тогда смотри же: если Япония уже в состоянии войны – тайной или явной – с Китаем, к чему тогда поединки, честь личного единоборства? К чему тогда Свидетели? Мы ведь с отцом давно китайцы в глазах Шогана, значит, враги и лазутчики? К тому же, я теперь знаю, что ты – рётодзукай, и скоро это будет знать весь Шоганат! Убей же сейчас и меня, ручаюсь – Шоган отвалит тебе генеральский чин!

Токемада усиленно подыскивал слова повежливее, чтобы спустить девушку с неба на землю. Вместо того, чтобы бредить выдуманными войнами, ей следовало сейчас выполнить вполне реальные обязанности: провести рэйсики завершения поединка! Но Матэ чувствовал, что не дожждётся никакого рэйсики, пока Нази не выговорится, злился, и вежливые слова застревали у него в зубах.

По его глазам девушка всё поняла... и вдруг тихонько засмеялась, тоже не разжимая зубов.

– Какая же я глупая! Простите меня. Я всё вижу в вас Сёбуро Токемаду, которого давно пора похоронить в моей душе. Я говорила сейчас с его сыном... но вы не его сын! Простите мою ошибку и мои плохие манеры... Камидза! Синдзэн но рэй! – приказала она, начиная этикет заключительных поклонов. К её изумлению, Нази заметила, что самурай и не шелохнулся. – Я сказала – «камидза»! – гневно воскликнула она.

– Причём здесь мой отец?! – рявкнул Матэ.

Нази медленно выпрямилась.

– Притом, что Сёбуро Токемада никогда не поступал так, как вы. Он никогда не добивал раненого, если в том не было необходимости. И не убивал пленных, молящих о пощаде. Он умел быть сильным и милосердным и всегда, как ни странно, успевал подумать, прежде чем что-либо сделать. И при этом никто не смел назвать его слабым или трусливым!

– Я уже слышал эти сказки! – оборвал её Матэ, весь тёмный от гнева.

– Почему – сказки?.. – изумилась Нази, не сразу подобрав слова от неожиданности.

– Потому что их могут сочинять только те, в ком не течёт кровь истинного самурая и кто не знаком с Бусидо! Кто не знал моего отца, а притворяются его друзьями, понимая, что теперь он уже не сможет обвинить их во лжи!

Кровь медленно отхлынула от лица девушки, и ей вдруг стало холодно. Она почувствовала сильное отвращение к этому человеку и растущую между ними стену, которую не только не могла, но уже и не хотела разрушить.

– Помните ли вы, как Сёбуро Токемада умел забавлять детишек, которых любил? – через силу выговорила всё же Нази. – Вполне возможно, что вам известен только один такой ребёнок, но я знаю и другого. Он подбрасывал их при встрече в воздух и ловил обеими руками мягко, как в гамак...

Судорога недоумения прошла по лицу самурая, но он промолчал.

– Так вот, он делал это необычно, не так, как другие. Он бросал ребёнка лицом не вниз, а вверх, в небо. Это трудно – так бросать и ловить, но у него были такие сильные, чуткие и опытные руки, что ребёнок и не чувствовал неудобства. Они соприкасались с детским тельцем в районе крестца и третьего позвонка... Ведь так?..

Нази отвернулась и пошла прочь, на ту часть площадки, где лежало тело Нисана. И чем ближе подходила она, тем более замедляла шаги от непомерной тяжести той непоправимости, что произошла недавно на её глазах. Разговор с самураем дал ей несколько минут относительного забвения, но теперь вновь чудовищная беда наотмашь врезалась в сердце девушки.

Агония смерти уже покинула лицо китайца, оно успокоилось, просветлело и словно заулыбалось вновь. Если бы не огромная лужа крови под телом и окровавленная разрубленная одежда, Нисан казался бы мирно спящим, склонив голову немного набок. Пронзительное желание увидеть, как дрогнут и раскроются вновь его ласковые сияющие глаза, было настолько сильным, что Нази чуть не закричала. Чудо обретения и катастрофичность потери на мгновение помрачили её рассудок, и девушка уткнулась лицом в ладони в отчаянном горьком плаче...

На другом конце площадки самурай устало опустил на одно колено и сел, почти рухнул на плиту, поджав ногу под себя. Голова его кружилась от слабости и жажды, потная окровавленная одежда липла к телу, ныли раны. «Интересно, я свалюсь раньше, чем всё это закончится, или нет? – сумбурно подумал Токемада. – Странная семейка... не удивляюсь, что их не любят... Где манеры, выдержка, воспитание? Впрочем, им нелегко приходится, их клан в упадке... старик и девушка – последние Свидетели... Она очень красива... могла бы иметь мужа и детей... А ей приходится считать удары и наблюдать увечья... Да, это её карма, но можно её понять... Женщине, если она воспитана не в семье самурая, всё это, конечно, тяжело...»

Токемада с усилием поднялся, постоял, покачиваясь и, решив, что пока ещё держится, пошёл через площадку к девушке. В прошлый раз – самурай знал это – ей пришлось в одиночку хоронить двух погибших, и сейчас он хотел предложить помощь.

...Нази в ошеломлении смотрела на свою ладонь. Она сама не знала, что побудило её пальцы потянуть за выбившуюся из-под ворота Нисана тонкую тесёмку, перевитую золотистой нитью, но на её ладонь тут же, чуть зацепившись за ткань, угловатым крабиком выскользнул четырёхконечный металлический крест, центр которого украшало изображение цветущего лотоса, испускающего лучи в виде ажурного диска, окружающего сердцевину креста. Концы перекладин также были стилизованы под цветочные лепестки.

Нази почувствовала, как сжало её виски и грудь, и поняла, что всё это время задерживала дыхание. Какая же она глупая! Она должна, обязана была понять!.. И вновь в самое сердце её вошёл прощальный взгляд Нисана, его свет, любовь и требовательность, взгляд, говорящий в упор: «Ты!»

Что хотел от неё Нисан, так загадочно, так жертвенно ушедший?!.. Ладонь девушки стремительно сжалась: за её спиной раздались шаги самурая. Не разжимая кулака, она быстро и глубоко запрятала его содержимое под ворот Нисана. И развернулась всем корпусом к Токемаде.

От взгляда в упор – жёсткого и твёрдого – Матэ изумлённо остановился. Он ожидал увидеть заплаканное девичье личико и подготовил соответствующие слова...

– Вы готовы завершить ритуал? Прошу вас, начнём!

... После последнего поклона Токемада тяжело выпрямился и не стал вставать, внимательно и серьёзно следя за действиями девушки. Она принесла откуда-то несколько жердей из бамбука, положила две параллельно и несколько коротких поперёк, потом сняла с себя длинный серебристый плащ и накрыла им жерди. Наблюдавший самурай усомнился, что по ритуалу Свидетелю полагалось использовать собственную одежду, тем более что плащ Нази был явно очень дорогой, но это было её личное дело... Он поднялся, чтобы предложить помощь, не зная тоже, допустима ли она, но девушка тут же развернулась к нему и с холодной вежливостью произнесла:

– Нам придётся заночевать на побережье, здесь темнеет быстро. Солёная вода – очень хорошее средство для обработки ран. А теперь прошу вас, оставьте меня одну!

Матэ пожал плечами, нашёл свой походный холщовый мешок под кустом, куда бросил его утром, и отправился к океану. Первым делом он напился и через силу сжевал часть рисовой лепёшки, потом разделся и, выбрав место поспокойнее, вошёл в пенящуюся клокочущую заверть прибоя, дав волне обдать себя с головой...

Обсохнув на берегу, осмотрел свои раны – на плече и бедре – и начал осторожно смазывать их специальной мазью, рыча от жгучей боли, но скоро боль отошла, смазанные места потеплели, и тогда самурай надел чистое бельё, вишнёвого цвета верхнее монцуки, чёрную безрукавку с двумя серебристыми кругляками на груди – эмблемами Второй армии Шоганата, чёрные широкие хакама и обмотал талию в несколько витков белым поясом-оби. Обуваться пока не стал, давая натруженным ступням отдых, заставил себя ещё поесть, – уже с куда большим аппетитом, допил остатки воды во фляге – и рухнул навзничь на травяной пригорок.

...Он выжил! И – победил! Всё остальное – потом... потом...

Матэ проснулся резко, как от толчка. Увидел над головой сиреневое закатное небо с сизыми волокнами облаков, почувствовал на пересохших губах соль прибоя, потянулся и закинул руку за голову. Военная привычка сработала: он проснулся в назначенный самому себе срок. Его немного знобило, раны горели и мучительно ныли, он знал, что так и должно быть, никуда не денешься. Пока светло, нужно будет поискать воды, подумал Матэ. И ...остался лежать.

Прошедший день всплывал в памяти пластами. Он крутил поединок в голове то так, то этак, заново переживая многие комбинации и приёмы. Вспомнил удар левой. И одобрил его. Без этого удара он остался бы с только себе ведомым потенциалом искусства рётодзукаи, но скорее всего – лишь в памяти своего учителя по иайдо.

Токемада заставил себя подняться и побрёл с фляжкой искать родник. Он заприметил его ещё с холма, когда спускались к побережью утром – по запаху свежести и более яркой зелени трав. Напившись и хорошенько обработав снова раны, решил не возвращаться на берег, а разыскать Нази.

Действительно, стемнело моментально. Почти на ощупь он добрёл до кладбища. Нигде не было видно ни огонька, ни отблеска костра. Нагретые за день камни могил испускали мягкое тепло. Яркие светлячки парили над травой и на бархатном фоне фиолетового неба.

– Назико-сан?! – крикнул молодой самурай.

Никто не ответил. Матэ бросил плащ к стволу какого-то низкорослого корявого дерева недалеко от тропинки, сел на него и откинулся спиной на шершавый ствол. Раны воспалились, и его мучил жар. Омочив губы студёной водой из фляжки, Токемада решил, что девушку всё

же надо найти... Но тут же спросил себя, а нужно ли это им обоим? По крайней мере, в её положительном ответе он сильно сомневался.

... Старого Ошоби молодой самурай неоднократно встречал в ставке или дворце Шогана. Он знал, что этот ещё очень крепкий, сильный и всегда невозмутимо-спокойный старый воин часто подавал главнокомандующему очень мудрые и дельные советы, а Шоган не пренебрегал их запрашивать, и хотя никогда не любил старого Ошоби, но держался с ним подчёркнуто внимательно и дружелюбно. Соответственно, и все высокопоставленные офицеры и приближенные Шогана вынуждены были делать весьма приветливые лица, встречая Этоми Ошоби в правительственных коридорах.

С капитаном Матэ Токемадой у Ошоби были очень своеобразные отношения, точнее, старик всегда держал молодого офицера на таком расстоянии, на котором никакие отношения не могли возникнуть вообще. Общение их ограничивалось рамками самого вежливого и строгого японского этикета, при котором собеседники, показывая хорошее воспитание и безупречные манеры, могли наговорить друг другу полный букет любезностей, не прибавив от себя лично ни единого слова.

За глаза хорошим тоном считалось говорить об Этоми Ошоби насмешливо и пренебрежительно, в стиле: «Ни то, и сё», «ни рыба, ни мясо», «ни китаец, ни японец». Старик действительно вёл себя в Китае как японец, а в Японии – словно китаец, и соответственно одевался, единственное было при нём неизменным всегда – его длинный прямой китайский меч, принадлежавший некогда его отцу и деду. Говорили, что с этим мечом Ошоби ходит даже в баню. И ни один из самураев Шогана, даже из самых высокопоставленных даймё, ни разу не пожелал встретиться с объектом их насмешек на поле поединка. Говорили также, что не было ни единого стиля боя и ни единого вида оружия, которыми Этоми Ошоби не владел бы в совершенстве даже в свои шестьдесят пять лет.

Десять лет назад он схоронил свою жену, а два взрослых сына его погибли ещё в Китае. Нази была его последним поздним ребёнком и единственной дочерью. Её Матэ видел единственный раз после поединка Танимуры с Ли Вангом во дворце Шогана два года назад, где она впервые представляла свой клан как Свидетель. Тогда, на фоне ослепительных столичных куртизанок и наложниц высокопоставленных даймё, она не произвела на Токемаду никакого впечатления, да Нази ни коим образом и не стремилась произвести ни на кого эффект, – в мужской одежде, даже волосы забрав в пучок по-мужски, безликий актёр-символ свершившегося поединка, свою роль она выполнила очень хорошо, это отметил даже Шоган. В тот день старый Ошоби был среди гостей, не вмешиваясь, только невозмутимо и внимательно наблюдая.

Появление семейства Ошоби в Японии как-то связывали с именем Сёбуру Токемады, вплоть до того, что Токемада будто бы лично хлопотал об этом перед Шоганом. Матэ полагал, что именно из этого слуха сложилась туманная сплетня о каких-то особо близких отношениях самурая Сёбуру и Этоми Ошоби. Все что-то «слышали», но никто не мог указать на конкретный первоисточник, и Матэ, хорошо зная бесценную роль подобных безликих, но весьма марающих слухов в тонком искусстве составления чисто японской икебаны интриг, резонно приписывал честь их придумывания и распространения трём враждебным клану Токемад семействам. Матэ мог позволить себе вести себя по отношению ко всем этим слухам с холодным пренебрежением, так как сам Шоган был из рода Миновары, и это позволяло молодому самураю без явно излишних поединков закрывать рты многим говорливым врагам. Не явно излишним поединкам он охотно шёл навстречу собственноручно. То, что сам Ошоби и не пытался как-либо сблизиться с сыном своего якобы друга, действовало на Матэ двояко: и радовало, так как это было хорошим щитом для защиты чести имени отца, и раздражало самолюбие самурая, которым откровенно пренебрегали.

Потому что в глубине своего самого сокровенного «третьего» японского сердца молодой Токемада был убеждён: Этоми Ошоби действительно был близким другом его отца Сёбуру!

Как сформировалось это убеждение, Матэ сказать бы не смог... Личность Этоми Ошоби, при всей её экзотичности – право экстерриториальности, отсутствие какого-либо, в том числе и японского, подданства, некоторая отчужденность образа жизни и поведения в обществе, – всё же внушала к себе необъяснимое доверие и уважение. Даже в его молчании чувствовалась твёрдая спокойная воля сильного мужественного человека. Старый Ошоби умел одним своим взглядом, не вынимая меча из ножен, обезоруживать и умирять самых агрессивных самураев. Он был очень немногословен и никогда не повторял своих слов дважды. Никто не видел его в гневе. Степень недовольства у Этоми Ошоби выражалась тем, что он замолкал в разговоре, а при высшем его проявлении он также молча вынимал меч. Только он умел, невообразимо как почувствовав недоброе, среди самой внешне мирной беседы положить руку на рукоять меча и вклинить оружие между врагами в первую же секунду их взаимного взрыва. Но делал он это очень редко и только тогда, когда был хоть малейший шанс к примирению. Никто никогда не видел старика в синтоистских или буддийских храмах, уже одно это совместно с довольно замкнутым образом его жизни сложило в среде самураев стойкое мнение об Этоми Ошоби, что он колдун, но подтверждения этому не было и всё ограничивалось несмолкающими разговорами, не столько отталкивающими, сколько усиливающими к старому воину острый интерес.

Ещё задолго до того, как слуха молодого Токемады коснулись все эти сплетни об Ошоби и Сёбуро, он произвольно выделил для себя старика из окружающей его среды. Никаких определённых форм и проявлений это чувство не имело, пожалуй, оно не было и чувством вообще. Скорее всего это было отсутствие безразличия. Немыслимая связь Свидетеля Этоми с отцом сильнее всколыхнула душу молодого самурая. Он понял, что «это – карма», что иначе и не могло быть... И тем острее и горше было осознавать, что он никогда уже не сможет относиться к старому Ошоби с тем же полнейшим безразличием, каким тот одаривал его!..

В доме Свидетелей, в вечер перед поединком Матэ был недоволен собою как никогда. За предельной внешней вежливостью и учтивостью хозяев он безошибочно почувствовал, что их симпатии не на его стороне. В доме центром застолья явно был заезжий китайский монах, некое подобие Чжуан-цзы, который однажды спутал себя с порхающей бабочкой. Матэ злился, не понимая, почему он в проигрыше. Нельзя было сказать, что ему не понравилась атмосфера этого дома: он был уютен, ужин хорош, гостеприимство хозяев безупречно, во всём, казалось, звучали гармония, хороший вкус и изысканность. Потом самурай понял – он сам был чужд этому дому; не смотря на свои великосветские манеры, он выделялся в нём резким диссонансом. Трио китайцев хотело порхать мотыльками, а он, как мужчина и воин, пришёл драться в поединке...

И всё же он был недоволен именно собой, а не ими. Где его воспитание? Где бесстрашность и безупречная выдержка дзен-самурая? Почему он позволил себе огорчиться редкими в его сторону взглядами старого Ошоби? Почему молчаливая, но весьма ощутимая симпатия красивой хозяйки дома к Нисану и совершенно нескрываемая к ней нежность монаха задели японского бойца до самых болевых точек души?!

Матэ понял, что не сможет завоевать любовь обитателей этого дома, даже если бы стремился к этому. Он всегда будет чужим в их непонятном мире. Он должен убить Нисана, даже если бы это шло вразрез с высочайшим распоряжением Шогана. Он должен обрубить все нити, которые могут привязать его к этому дому, все нити, шевеление которых приносит непонятную, ненужную, опасную боль. Он должен освободиться от паутины иллюзий этого мира одним ударом и снова обрести покой. Он – воин, его путь – победа или смерть в бою, и душа его – меч...

Что ж, «ками» – духи предков – были благосклонны на этот раз. Но ликование и триумф – удел Японии, а ему, бойцу, подсчитывать раны. Он получил их больше, чем ожидал. И если раны на теле затянутся через неделю, то чем замазывать другие, незримые никому?..

Матэ понимал, что обрубил все нити не только с Ошоби. Он отсёк и то, что связывало его с отцом... Какая насмешка судьбы! Как только он уверился, что ничего общего не было и не могло быть у Сёбуру Токемады и семейства Ошоби, судьба преподносит ему живого и подлинного очевидца, который знал Сёбуру и которого Сёбуру любил, как и его, маленького Матэ! Он поверил Нази сразу, как только она произнесла это ошеломительное «лицом вверх, в небо». Он понял, что получил правду, которую не услышал бы никогда, если бы оскорбленная девушка не отплатила ему с лихвой этой правдой, когда он сознательно назвал её и Ошоби лжецами. Он получил и потерял всё сразу, без остатка. Конечно, это был ещё большой вопрос, – хотел ли Матэ знать истинное положение дел со своим отцом... и, поразмыслив, решил, что хотел бы, потому что любая подлинная информация – оружие, и лучше иметь это опасное оружие самому, чем дать ему шанс утечь к врагам. Но как бы то ни было, он собственными руками оттолкнул от себя тех, кто мог помочь ему лучше узнать отца. Он упустил свой шанс, и говорить об этом больше не стоило.

Но тут Матэ вновь вспомнил лицо Нази, побледневшее после удара, которое он нанёс ей оскорблением, и понял, что от самого себя отбиться не удастся. «По полному счёту хочешь разборку? – холодно поинтересовался внутренний голос. – Какой молодец!» – «Я – буси, я – воин, я выдержу», – ответил самурай. Он понимал, что по кодексу чести совершил грязный поступок: оскорбил другого бойца, отказав ему в праве на отмщение в поединке. «Она не самурай, и я защищал честь отца...» – «Самолюбие своё ты защищал! Потому что эта девушка нравилась тебе, а она предпочла тебе другого!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.